

© КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ, 2002
УДК 378.661:93(470)

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин, Л. Е. Горелова, В. Г. Игнатъев

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ "ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ О МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА" (1845)

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН, Москва

Среди множества историко-медицинских публикаций, в той или иной мере затрагивающих проблему подготовки и введения в действие знаменитого "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета", нам не удалось обнаружить даже двух работ, в которых события, развернувшиеся в первой половине 40-х годов XIX века вокруг разработки и принятия этого в высшей степени принципиального документа, описывались бы одинаково.

Так, если в качестве примера взять вопрос о том, когда была начата работа над "Дополнительным постановлением...", то в литературе существуют две даты^{1, 2} — 1840 и 1843 гг. С разноголосицей мнений мы столкнулись и при попытке установить имена инициаторов развертывания реформы организации и содержания учебного процесса на медицинском факультете Московского университета начала 40-х годов XIX века. Одни авторы назвали в этом качестве профессора Московского университета Ф. И. Иноземцева³, другие — профессора Петербургской меди-

ко-хирургической академии Н. И. Пирогова⁴, третьи — профессоров А. И. Поля и А. И. Овера⁵, а четвертые — Ф. И. Иноземцева, Н. И. Пирогова и таинственную группу "других передовых отечественных ученых"⁶.

Запутанным представляется и вопрос о том, кто собственно готовил "Дополнительное постановление...". В частности, Г. В. Архангельский утверждает, что разработкой конкретных положений документа занимался особый "Временный медицинский комитет", в который вошли А. А. Альфонский, А. Е. Эвениус, Ф. И. Иноземцев, А. И. Овер, А. И. Поль, М. В. Рихтер, а также попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов (в качестве "президента")⁷. По данным Д. А. Изуткина и соавт.,

³Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 21—22; Фрейдберг С. А. Цит. соч. — С. 191.

⁴Покровский Г. А. Кафедра госпитальной хирургии им. А. В. Мартынова // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института им. И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 483.

⁵Зиновьев И. А. Цит. соч. — С. 14.

⁶Российский Д. М. 200 лет медицинского факультета Московского государственного университета. — М., 1955. — С. 41; Изуткин Д. А., Тамарин Ю. А., Камаев И. А. История высшего медицинского образования в России. — Нижний Новгород, 1997. — С. 26.

⁷Архангельский Г. В. Цит. соч. — С. 44.

¹Страшун И. Д. 175 лет // 175 лет Первого МГМИ. — М., 1940. — С. 21—22; Фрейдберг С. А. Факультетская хирургическая клиника // 175 лет Первого МГМИ. — М., 1940. — С. 191—192.

²Зиновьев И. А. К истории высшего медицинского образования в России. — М., 1962. — С. 14; Архангельский Г. В. Ф. И. Иноземцев и его значение в развитии русской медицины. — М., 1959. — С. 44.

основную работу по подготовке "Дополнительного постановления..." выполнил Ф. И. Иноземцев⁸; А. И. Зиновьев считает, что в основу постановления лег проект профессоров Московского университета А. И. Поля и А. И. Овера⁹, а И. Д. Страшун выдвигает версию о том, что "Дополнительное постановление..." было выработано "особой комиссией, главным деятелем которой был уже знаменитый в то время Н. И. Пирогов"¹⁰.

Перечень подобных расхождений в описании фактической стороны событий, развернувшихся в начале 40-х годов XIX века вокруг медицинского факультета Московского университета, может быть легко продолжен. Названные выше авторы более или менее одинаково изложили только один "факт", а именно деструктивную роль Министерства народного просвещения, которое сначала всеми возможными способами препятствовало инициаторам развертывания реформы, а затем, когда благодаря настойчивости профессоров реформа все-таки началась, затянуло процесс подготовки и принятия "Дополнительного постановления..." на несколько лет (от 2 до 5 в зависимости от точки зрения автора по поводу времени начала реформы).

Не вступая сейчас в полемику ни по одному из приведенных выше вопросов, заметим, что разобравшись с существующими в литературе противоречиями нам удалось только в результате подробного ознакомления с архивными документами и материалами, хранящимися в Российском государственном историческом архиве. Анализ архивных документов не только позволил полностью реконструировать ход развития событий, определивших появление "Дополнительного постановления...", но и выявил одно чрезвычайно важное обстоятельство, по каким-то причинам совершенно выпавшее из поля зрения отечественных историков медицины. "Дополнительное постановление..." хотя и представляло собой совершенно самостоятельный документ, касавшийся только медицинского факультета Московского университета, вместе с тем явилось одним из элементов комплексной реформы высшего медицинского образования в России в целом.

Некоторые из исследователей обратили, правда, внимание на взаимосвязь появления "Дополнительного постановления..." и закрытия Московкой медико-хирургической академии¹¹, однако, во-первых, никто из них не пошел дальше простой констатации этого факта, а, во-вторых, ликвидация академии и ее полное слияние с медицинским факультетом Московского университета не исчерпывали весь объем преобразований, осуществленных Правительством России в начале 40-х годов XIX века и оказавших либо прямое, либо опосредованное влияние на процесс подготовки и принятия "Дополнительного постановления..."

В предыдущем цикле публикаций под общим названием «Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского медицинского университета"»¹² мы уже отмечали, что реформа высшего медицинского образования в России, одним из элементов которой явились разработка и принятие указанного постановления, началась в апреле 1840 г. и первоначально задумывалась как реформа управления высшими медицинскими учебными заведениями Империи. В рамках именно этого стратегического курса были приняты решения сначала о передаче всех высших медицинских учебных заведений в подчинение Министерству народного просвещения, затем о ликвидации системы медико-хирургических академий и, наконец, об организации двух основных российских центров подготовки врачей в Киевском и Московском университетах¹³. При этом в Киевском университете медицинский факультет следовало создать, что называется, с нуля, а московский центр должен был сложиться в результате объединения медицинского факультета Московского университета с Московской медико-хирургической академией.

Последнее из упомянутых решений, предполагавшее полное слияние двух московских учебных заведений, далось министру

народного просвещения С. С. Уварову особенно тяжело и последовало лишь осенью 1840 г. после продолжительных и по большому счету безрезультатных консультаций с московскими профессорами¹⁴. Тогда же С. С. Уваров отдал распоряжение попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову продумать порядок объединения академии с университетом и подготовить соответствующий пакет документов.

С. Г. Строганов выполнил данное ему поручение, однако в своем письме от 25 ноября 1840 г. наряду с обсуждением конкретных организационных мероприятий указал, что у профессоров Московского университета имеется ряд чрезвычайно перспективных идей по реформированию организации и содержанию учебного процесса, которые могли бы быть реализованы в ходе предстоявшего слияния двух московских вузов¹⁵.

Судя по ответному письму С. С. Уварова от 30 ноября 1940 г., послание С. Г. Строганова застало министра врасплох. С. С. Уваров был совершенно не готов ни к обсуждению, ни тем более к решению каких-либо вопросов, касавшихся организации и содержания учебного процесса и требовавших специальных медицинских знаний. В неожиданно возникшей ситуации министру было проще, а главное безопаснее, запретить С. Г. Строганову заниматься проблемами, выходящими за рамки данных ему конкретных указаний. К тому же для запрета имелось идеальное со всех точек зрения обоснование — прошло только 5 лет со времени принятия нового общероссийского университетского устава. Но С. С. Уваров не поддался соблазну и предписал попечителю немедленно готовить развернутый проект необходимых с точки зрения московских профессоров преобразований. "По получении от Вас сего проекта, — писал С. С. Уваров в заключении своего письма от 30 ноября 1840 года, — я войду в ближайшее рассмотрение мер, какие в нем будут предложены, и, чтобы несомненно удостовериться, будут ли оныя соответствовать предложенной цели, приглашу для совещания медиков, известных ученостью и сведениями по этой части, а затем не оставлю дать моему делу надлежащий ход"¹⁶.

Таким образом, обнаруженные нами архивные материалы позволяют утверждать, что подлинной датой начала работы над документом, получившим впоследствии название "Дополнительного постановления...", следует считать 30 ноября 1840 г., а главными инициаторами развертывания этой работы — Совет медицинского факультета Московского университета и попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова.

Получив санкцию министра, профессора Московского университета без промедления приступили к работе, однако полностью подготовить "Дополнительное постановление..." удалось лишь в декабре 1845 г., т. е. спустя чуть более 5 лет.

Как уже говорилось, в литературе это обстоятельство объясняется деструктивной деятельностью чиновников Министерства народного просвещения, всячески препятствовавших "проведению в жизнь новых прогрессивных идей". Приведенные выше данные о принятом С. С. Уваровым решении, предусматривавшем переработку реформы управления медицинскими учебными заведениями в полномасштабную реформу всей системы высшего медицинского образования в России в условиях, когда у него имелись более чем весомые контраргументы, думается, позволяют снять с министра и возглавляемого им министерства всякие упреки. Более того, забегая несколько вперед, добавим, что и сам С. С. Уваров, и Департамент народного просвещения, и другие подразделения Министерства народного просвещения внесли колоссальный вклад и в подготовку "Дополнительного постановления...". Что же касается истинных причин относительно долгой работы над весьма актуальным в то время для отечественного высшего медицинского образования документом, то проведенный нами анализ всей совокупности сохранившихся архивных документов по данной проблеме позволяет назвать по меньшей мере три вполне объективные причины случившегося.

Первая состояла в том, что еще летом 1840 г., т. е. до того как возникла идея реформирования организации и содержания учебного процесса на медицинском факультете Московского университета, Николаем I был подписан указ о постепенном закрытии Московской медико-хирургической академии¹⁷, которое, согласно указу, планировалось завершить не ранее 1845 г. Сказанное не означает, что "Дополнительное постановление..." должно было быть принято только после окончательной ликвидации академии, однако и полностью проигнорировать импе-

⁸Изуткин Д. А. Цит. соч. — С. 37.

⁹Зиновьев И. А. Цит. соч. — С. 14.

¹⁰Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 22—23.

¹¹Бородулин Ф. Р. 200 лет I МОЛМИ им. И. М. Сеченова. Вступительная статья // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 21.

¹²Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 4. — С. 50—53; 2000. — № 6. — С. 48—50.

¹³Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Сточик А. А. Предыстория подготовки "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета" // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 1999. — № 4. — С. 51—52.

¹⁴Там же. — С. 52—53.

¹⁵РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 53 об. — 55.

¹⁶Там же. — Л. 63 об.

¹⁷По рекомендации С. С. Уварова Николай I предписал осуществлять закрытие ММХА постепенно с таким расчетом, чтобы студенты, поступившие в академию в 1840 г., могли завершить свое обучение.

раторский указ разработчики "Дополнительного постановления..." не могли, поскольку готовившаяся ими реформа не могла быть проведена без использования финансовой, кадровой и материально-технической базы академии.

Вторая причина заключалась в том, что, несмотря на уже упоминавшуюся готовность московских профессоров быстро составить проект необходимых с их точки зрения преобразований и полное одобрение С. С. Уварова этой инициативы Московского университета, вплотную к работе над "Дополнительным постановлением..." удалось приступить лишь в конце 1842 г. — начале 1843 г., когда был принят и введен в действие новый устав Университета Св. Владимира (Киев). Взаимосвязь этих, на первый взгляд далеких друг от друга, событий становится очевидной, если вспомнить, что в ответном письме С. Г. Строганову от 30 ноября 1840 г. С. С. Уваров признался в том, что не является специалистом в вопросах высшего медицинского образования и для анализа поступивших из Москвы предложений планирует создать особый экспертный совет. Этот совет, получивший название Временного медицинского комитета, был организован в январе 1841 г. и вопреки существующим в литературе мнениям состоял исключительно из петербургских профессоров и лейб-медиков (председатель М. А. Маркус, члены комитета Н. И. Пирогов, К. К. Зейдлиц, Е. И. Раух, И. Т. Спасский)¹⁸, которые решили взять бразды правления в свои руки.

В феврале 1841 г. члены Временного медицинского комитета единодушно поддержали инициативу своего председателя заняться не экспертной оценкой отдельных предложений, поступающих из различных российских университетов, а самим разработать качественно новый единый "план университетского медицинского учения"¹⁹. С. С. Уварову эта идея пришлась по душе, поскольку уже не за горами был 1842 г., когда истек срок принятия нового устава для Университета Св. Владимира, а поданные ему проекты этого устава не выдерживали никакой критики²⁰. Убедить Императора в целесообразности переориентации деятельности Временного медицинского комитета на подготовку единого "плана университетского медицинского учения" было для С. С. Уварова, что называется, делом техники, и поэтому, когда 6 мая 1841 г. С. Г. Строганов направил в Министерство обещанный им первый вариант проекта "Дополнительных постановлений о медицинском факультете Императорского Московского университета", Временный медицинский комитет фактически проигнорировал этот документ. В мае 1841 г. комитет уже активно занимался решением вновь поставленной перед ним задачи, причем задачи значительно более масштабной, и не захотел отвлекаться на обсуждение высказанных московскими профессорами идей. Правила приличия при этом, правда, были соблюдены полностью. Все члены Временного медицинского комитета ознакомились с посланием С. Г. Строганова, было созвано специальное заседание 27 мая 1841 г., высказан ряд критических замечаний и принято постановление, согласно которому все "что ...касается до остальных пунктов в отношении учебном, то комитет условно на оные соглашается до постановления правил общего плана Медицинского учения..."²¹, иными словами, до осени 1842 г.

Наконец, третьей и, пожалуй, наиболее существенной причиной относительно медленной работы над "Дополнительным постановлением..." была сложность решавшихся вопросов. При этом то обстоятельство, что осенью 1842 г. новый "план университетского медицинского учения" уже был полностью готов и даже начал внедряться на медицинском факультете Киевского университета, не только не облегчило работы над "Дополнительным постановлением..."²², но, напротив, создало целый ряд дополнительных проблем.

Московские профессора полностью отвергли идеологию "плана", предполагавшего перенос на русскую почву принципов организации и содержания учебного процесса, принятых в германской высшей медицинской школе²³. Временный медицин-

ский комитет, абсолютно искренне полагавший, что фиксированные сроки обучения, учебные планы и программы тормозят развитие отечественного высшего медицинского образования, а введение академических свобод и предельная профилизация курсов медицинских факультетов приведут к скорому прогрессу, обвинил профессоров Московского университета в "ортодоксальности" и нежелании проводить преобразования. Это обвинение вызвало такую бурю эмоций и породило столь жесткую дискуссию, что направить процесс подготовки "Дополнительного постановления..." в конструктивное русло удалось только благодаря личному вмешательству С. С. Уварова.

Однако, если отбросить эмоции, которые, к слову сказать, окончательно улеглись лишь после конфирмации Николаем I "Дополнительного постановления..."²⁴, то следует отметить, что основные проблемы, разработкой которых С. С. Уваров заставил в конечном счете заниматься московских и петербургских профессоров, могут быть условно разделены на три группы.

К первой относились проблемы, связанные с разработкой идеологических и организационно-методических основ оригинальной системы клинической подготовки, получившей название этапности клинического преподавания. Вторую группу составили проблемы формирования качественно нового единого учебного плана подготовки врача; и наконец, третью — проблемы, связанные с определением объема и содержания преподавания общеобразовательных и естественно-научных дисциплин.

О проблемах первых двух групп мы уже достаточно подробно говорили в предыдущих публикациях²⁵ и, думается, нет особой нужды вновь возвращаться к их обсуждению. Что же касается проблем третьей группы, то они заслуживают особого внимания, поскольку как нельзя лучше демонстрируют различия во взглядах московских и петербургских профессоров на цели и задачи университетского медицинского образования.

В общем виде позицию профессоров Московского университета можно сформулировать следующим образом. Языковая, гуманитарная и, возможно, более широкая естественно-научная подготовка должна являться неотъемлемым элементом формирования врача, выпускаемого любым российским университетом. Именно эти три составляющие позволяют, во-первых, обеспечить студенту медицинского факультета плавный безболезненный переход от гимназического обучения к освоению университетского курса, а во-вторых, определяют формирование его мировоззрения как врача-естествоиспытателя и одновременно как врача-гражданина. В соответствии с этой позицией, нашедшей отражение в документах, составленных еще в начале 1841 г., рекомендовалось ввести преподавание на медицинском факультете отдельных курсов латинского и одного из европейских языков, русской словесности, энциклопедии и истории медицины, сохранить в учебном плане курс богословия, а также предлагалось читать химию, физику, минералогию, зоологию, ботанику в возможно полном объеме, обязав студентов медицинского факультета изучать эти науки на соответствующих кафедрах философского факультета. Кроме этого, С. Г. Строганов на свой страх и риск поднял вопрос о необходимости выделения часов для преподавания студентам-медикам курса философии, когда эта наука будет вновь возвращена в число университетских учебных дисциплин²⁶.

Члены Временного медицинского комитета, конечно, не возражали против того, чтобы выпускники медицинского факультета Московского университета в ходе обучения "приобретали бы правильное мировоззрение", однако в вопросе о том, какие гуманитарные и естественные науки и в каком объеме следует читать, исходили из совершенно иных соображений. Во-первых, они считали, что языковая и базовая гуманитарная подготовка является задачей гимназий, а в университете "и особенно на медицинский факультет" следует отбирать только тех абитуриентов, которые полностью готовы к обучению в высшей школе²⁷.

Во-вторых, главные идеологи Временного медицинского комитета — Н. И. Пирогов и К. К. Зейдлиц — настаивали на том, чтобы все без исключения естественные "приуготовительные" науки преподавались "только в необходимом для врача объеме"²⁸. По мнению Н. И. Пирогова и К. К. Зейдлица, только в этом случае можно было ликвидировать существовавшую перегрузку действовавших учебных планов "ненужными для врачей" предметами и обеспечить главную цель реформы — добить-

¹⁸РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 692. — Л. 1—3.

¹⁹Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Игнатъев В. Г. Подготовка и введение в действие Устава Университета Св. Владимира (Киев) 1842 г. Сообщение 1. Начало работы по подготовке Устава университета Св. Владимира (Киев) 1842 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2002. — № 2. — С. 48—49.

²⁰Там же.

²¹РГИА. — Ф. 733. — Оп. 99. — Д. 704. — Л. 6 об.

²²Сточик А. М., Затравкин С. Н., Горелова Л. Е., Игнатъев В. Г. Подготовка и введение в действие Устава Университета Св. Владимира (Киев) 1842 г. Сообщение 2. Проект К. К. Зейдлица и его практическая реализация // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 3. — С.

²³Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2000. — № 4. — С. 39—42; 2000. — № 5. — С. 51—54; 2001. — № 1. — С. 44—46; 2001. — № 3. — С. 56—58.

²⁴РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 265—287 об.

²⁵РГИА. — Ф. 733. — Оп. 147. — Д. 3. — Л. 299—300 об.

²⁶Там же. — Л. 301—301 об.

ся специализации университетского медицинского образования.

У московских профессоров подобная позиция Временного медицинского комитета вызвала серьезное беспокойство. Они усмотрели в ней, с одной стороны, стремление превратить медицинский факультет университета в ремесленную медицинскую школу, а с другой — совершенное нежелание петербургской элиты считаться с реальным положением дел в российском образовании. Профессора Московского университета совершенно не возражали против того, чтобы все абитуриенты имели совершенную языковую и гуманитарную подготовку. Однако даже в начале 40-х годов XIX века гимназии еще не встали полностью на ноги, а идти по пути значительного сокращения приема, превращая медицинский факультет Московского университета в элитарный вуз, не участвующий в решении насущных государственных задач, они считали ошибкой.

Временный медицинский комитет не принял возражений московских профессоров, обвинив последних в "приверженности к отжившим доктринам" и нежелании радикально менять существовавшее положение дел, причем не только в университете, но и в гимназиях, поскольку, по мнению членов комитета, предлагавшиеся ими "меры" должны были привести в том числе "и к усилению первоначального образования в гимназиях".

Как уже говорилось, достичь взаимоприемлемого компромисса удалось только в результате личного вмешательства ми-

нистра народного просвещения. При этом необходимо отметить, что найденный С. С. Уваровым компромисс носил не тактический, направленный на примирение двух спорящих сторон, а фактический характер. Суть компромисса, нашедшего отражение в "Дополнительном постановлении...", состояла в том, чтобы включить в перечень предметов преподавания медицинского факультета все общеобразовательные и гуманитарные курсы, которые предлагали московские профессора, и при этом организовать специальные курсы естественно-научных дисциплин, профилированные для нужд врачебного образования. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что предложенное С. С. Уваровым решение оказалось более чем дальновидным. Во многом благодаря ему "Дополнительное постановление..." приобрело одно из своих важнейших отличительных качеств, о котором почему-то до сих пор не сообщается в историко-медицинской литературе. На протяжении первой половины XIX века история высшего медицинского образования в России не знала документа, который бы обеспечивал столь совершенный баланс основных элементов врачебной подготовки, что в свою очередь, стало одной из главных причин успеха как "Дополнительного постановления о медицинском факультете Императорского Московского университета", так и реформы высшего медицинского образования 40—60-х годов в целом.

Поступила 30.05.02